

В Подмосковье

Новый четырехрядный коровник из сборного железобетона напоминает собой пролет огромного цеха. Под сводами железобетонных перекрестий, тянущихся среди спеленных легких ферм, горят голубоватым светом неоновые лампы. Гулко отдаются каждый шаг, скрип вагонеток, движущихся по подвесной дорожке.

Тихо: коровы сейчас на прогулке; доярок нет и на ферме трудятся только комхозагенты. Мужчины подносят в корзинах свежую паплетку из коровьих подвесных патретики с подогретыми комбисерами.

Но вот послышался торопливый шаг, смех, говор — дружно начали собираться доярки. Оживленно站новятся в «дежурке». Правда, это небольшая, но светлая и чистая комната при ферме скорее напоминает читальню: тут шкаф с библиотечкой, витрины с новинками сельскохозяйственной литературы. Заместитель заведующего молочно-товарной фермой Антонина Петровна Шелеева принесла свежую, только что полученную газету. Доярки знали уже об Обращении Центрального Комитета КПСС и Совета Министров Союза ССР к колхозникам и колхозницам, рабочим МТС и совхозам: в каждом доме есть радио. Но тут увидели газету, и еще раз захотелось почитать. Обращение всем востало, обдумать успехи и недостатки в своей работе. Газету завладела Валя Гаврилина; она помоложе других доярок, пожилая, погрязнее. Валя окончила девять классов средней школы и осталась работать на ферме — ей liked, когда к дояркам придет агитатор!

На снимке: доярки Д. Полякина, В. Гаврилина, М. Шилкина и Т. Прокофьева.

На днях опубликовано Обращение Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза и Совета Министров СССР к колхозникам и колхозницам, рабочим МТС и совхозам, к партийным, профсоюзным и комсомольским организациям, к советским и сельскохозяйственным органам, специалистам и всем работникам сельского хозяйства.

В этом огромной мобилирующей силы документе изложена ясная и четкая программа действий, указаны пути нового, более мощного подъема сельского хозяйства.

И все-таки, слушая сейчас ясные и требовательные слова, с которыми партия и правительство обратились к работникам сельского хозяйства, — сделать все, чтобы 1957 год стал переломным годом в развитии всех отраслей колхозного и совхозного производства, прежде всего в производстве зерна, подеме молочного и особенно мясного животноводства, — доярки с особой самокритичностью говорят о своем труде. Не все еще сделано и в их хозяйстве в свете этих требований. В этом году нельзя обходить на основном: кукурузного силоса заготовлено много. Но вот беда — мало комбинированных и сочных кормов.

Среди доярок немало и таких, которые трудятся на ферме десяток лет: Мария Александровна Шилкина, Дарья Константиновна Полякина, Татьяна Семеновна Прокофьева. Они вспоминают прошлое, когда ферма помещалась в ветхом коровнике, когда приходилось готовить корма и доить коров вручную; они думают о будущем.

Сейчас работать можно! И стало на ферме десятком лет: Мария Александровна Шилкина, Дарья Константиновна Полякина, Татьяна Семеновна Прокофьева. Они вспоминают прошлое, когда ферма помещалась в ветхом коровнике, когда приходилось готовить корма и доить коров вручную; они думают о будущем.

Городской клуб творческой молодежи

В Минске при городском комитете Комсомола создан клуб творческой молодежи. Он объединяет молодых писателей, артистов, художников, композиторов, журналистов. Его работу возглавляет совет из пятидесяти общественных — представителей творческих организаций и театров.

На одной из встреч в театре оперы и балета состоялась общественная просмотры

обсуждения новой оперы белорусского композитора А. Богатыря «Бладежа Дурова». На другой — члены клуба встретились с участниками художественной самодеятельности, слушали стихи молодых поэтов А. Волского и Н. Гилевича.

Намерено провести вечер на тему «Что мы готовим к фестивалю?» С отчетом выступят молодые писатели, композиторы и артисты.

Рассказывают редакторы журналов

НОВЫЙ МИР

В новом, 1957 году «Новый мир» начинает на своих страницах публиковать произведения Федина, завершающего трилогию «Три года с начала войны». Первые радиостатьи и продолжение «Необыкновенным летом».

В портрете редакции находятся: редактор-политический редактор В. Панаев, редактор-художественный редактор В. Астахов, редактор-литературный редактор В. Плещинский.

Священным борбам против гнета царизма; произведениями молодого писателя С. Снегоя «В южной ночи» — роман о героическом подвиге трудящихся советского тыла в годы Великой Отечественной войны; роман Л. Оволова «Повести об одном коммунисте».

Впервые в журнале публикуется роман Валентина Овечкина. Своей новой, близкой к завершению романом общается редактору в ближайшее время В. Плещинскому.

Отдел поэзии журнала намерен опубликовать новую поэму Михаила Дунинца «Валентин», стихи Я. Смирнова, А. Кулешова, Л. Мартынова, М. Алчгер, С. Кирсанова, Н. Заволоцкого, Е. Ефтушино, Е. Винокуров, М. Максимова и других. О продолжении своего странствия в этом отделе представляет различные поколения советской публицистики.

Отдел критики журнала намерен провести теоретическую дискуссию о методах социалистического реализма и о новом значении советской литературы. Журнал по-прежнему будет знакомить читателей с иностранной литературной жизнью, публиковать на своих страницах «стихи и комментарии» — обзоры зарубежных литературных изданий.

По просьбам читателей журнал публикует рассказы, отрывки из романов, стихотворений и критических обзоров, которыми мы предлагаем своим читателям. В ответ «Новый мир» вышет редакция этих журналов подборки из произведений иностранных авторов. Первую подборку поборку литературных материалов «Новый мир» уже получил от редакции бол-

Константин СИМОНОВ

В ближайших двух номерах журнала будут опубликованы повести: «Ночь в Адмирал-сити», «Сатирическая повесть Г. Тропольского «Кандидат», «Испанский ветер (Записки добровольца)» Б. Смирнова, «Воспоминания о войне» В. Герасимова, посвященные Советской Армии, и произведения других поэтов. В отделе критики будут опубликованы статьи В. Герасимова, М. Максимова, посмертная статья М. Щеглова.

В первых номерах журнала будут опубликованы такие обширные материалы: обзор статей и рецензий на журнал «Эпоха», обзор польских газет и журналов, в том числе обзоры польских писателей, в том числе обзоры польских писателей, в том числе обзоры польских писателей, в том числе обзоры польских писателей.

Решения XX съезда КПСС и декабрьского пленума ЦК, направленные и дальнейшему укреплению дружбы наших стран, содержащиеся в них программа роста промышленности, сельского хозяйства и подъема народного благосостояния привлекают внимание читателей и в частности, темы работ, которые мы предлагаем печатать в традиционных отделах журнала: «Очерки наших дней», «Публицистика», «Проблемы науки».

С великой темой сороковой годовщины Октябрьской революции, статьи по отечественной истории, посвященные пути, пройденному советской литературой за минувшие десятилетия, произведения прозаиков и поэтов о трудах и подвигах советского народа.

В юбилейном 1957 году на страницах журнала история советского общества и его современная история. Статьи будут представлены в самых различных жанрах: очерки, повести, рассказы, романы, поэзия, публицистика и другие.

Новый год мы начинаем романом о забойнике из Татарстана в романе «Штурм» С. Алаудинова, автор повести «Пустыни», переработанной в роман «Вдали от войны» — о борьбе против британских войск на территории Восточной Европы. Изображенное жизненное пути молодого человека из рабочей среды посвятит свой новый роман «Обыкновенная жизнь» В. Собко.

Новый год представляет повесть в стихах Р. Гамзатова «Горняк» (перевод Я. Козловского), поэмами — П. Дорожко «Вильонский узор» (перевод В. Лутченко), Г. Леонид «В Мингорпоре».

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

№ 9 (3665) Суббота, 19 января 1957 г. Цена 40 коп.

до у нас хорошее, и условия труда! Беседа закончилась. Доярки надевают халаты, берут доильные аппараты, ведра и выходят из «дежурки». Пора приступать к дойке.

— А планы-то наши придется пересматривать! — говорит, обращаясь к подругам, Валя Гаврилина. — То, что мы налаживаем сегодня, — это не предел...

Они стоят еще минуту — другую, переговариваясь, и затем быстро расходятся по своим местам — впереди день, полный труда и забот...

С. КРУТИЛИН Колхоз имени Ворошилова, Удомский район, Умской области.

У украинских колхозников

В колхозе имени 1 Мая Макарковского района скоро состоится отчетно-выборное собрание, и хочь Харькович молодой председатель Иван Маркович Петухов, а нет-нет, и ежнет сердце...

Колхоз имени 1 Мая — богатый, многотраваевой, он считается одним

К. ВИНУКОВ, специальный корреспондент «Литературной газеты».

Недавно мне пришлось побывать в Романовском районе Балаховской области. Места здесь мне хорошо известны, исхожены вдоль и поперек, всяком, как говорится, каждый кустик. Особенно привлекательна река Хопер, тихая неусуящая воды среди дубовых лесов. В лесах множество больших и малых озер; в них и рыба, и разная дичь. Потому-то в эти заветные уголки частенько выезжают городские охотники и рыболовы-спортсмены.

И земли здесь, прямо скажем, богатые, плодородные. Ирровая пшеница растет чудесная, славится на мировом рынке своими хлебопекарными качествами. Подсолнух вымывает в полтора человеческого роста. Прижиливает тут и сахарная свекла: урожаи ее бывают не хуже, чем на Украине.

Я ехал сюда и думал: что нового встречу, какие перемены произошли здесь за последние три года? Захотелось поближе взглянуть в экономику колхозов.

Несмотря на благоприятные условия, Романовский район многие годы не выделялся ни урожаями, ни хорошими урожаями, ни рекордной выработкой механизаторов. Жил район тихо, неприметно. Перефразируя слова поэта, можно сказать, что о нем и песен не пели, и сказок не рассказывали: не приходилось о нем и в газетах читать — будто его и на свете нет.

Приедешь, бывало, сюда, встретишься с председателем, скажем, Никитасовым, Дурнижского или Мало-Карайского колхоза, завяжется огульная беседа, и оказывается, что он и сам недоволен результатами своего хозяйствования.

— Живем так себе, понемножку. На сегодняшний день план хлебопостройки выполнен на все сто процентов, натуроплата тоже, семенной фонд засыпан... — И, помолчав немного, председатель обычно добавляет: — Видишь, какое дело, дорогой товарищ: трудиться-то у нас слабовато!

Потом разговор заходит о строительстве на селе, о том, что пора бы привести в порядок ветхие домишки. Председатель соглашается, что да, мол, это действительно так, что пора бы заняться благоустройством, но «нет фондов», крупном нехватка леса, не слышать даже дров, чтобы перестать пол или потолок, негде раздобыть кирпичка.

Советуешь собеседнику, по примеру других колхозов, послать людей на заготовку леса в Вологодскую или Владимирскую область.

— Оно бы, конечно, хорошо, — не возражает председатель и тут же оговаривается: — Да только капиталы у нас нету... На текущий счет сотни рублей, а для хозяйственных нужд.

И. Тарбы «Человек сбился в путь» (перевод Е. Елисеова) и другими произведениями.

Естественно, что в этом году большое место займут в журнале воспоминания и материалы, освещающие исторический путь развития советской литературы, статьи о писателях, чье творчество стало замечательной вехой на этом пути. Будут напечатаны интересные воспоминания С. Айни «Коротко о моей жизни». Журнал намерен предоставлять свои странички для публикации переписки русских писателей с писателями братских республик.

В разделе «Критика и библиография» продолжим обсуждение книг по истории братских литератур, а также и начатую в прошлом году дискуссию об изображении рабочего класса в литературе. Кроме того, в журнале появится и другая статья по проблемным вопросам литературы и ряд литературных портретов наших выдающихся писателей.

В прошлом году мы ввели отдел «На темы искусства». Продолжим его и в нынешнем году. В разделе «Публицистика» наряду с литературными выступит и наши читатели — деятели науки, культуры, искусства, промышленности и сельского хозяйства.

В ближайших номерах впечатлениями о поездках в Италию, Аргентину, Швецию, Корею поделится С. Мухомов. Л. Дмитриев, А. Хижняк, В. Сытин. С 1957 года наш журнал выходит с приложением «Библиотечка классиков литературы народов СССР» в переводе на русский язык. Издание библиотечки рассчитано на несколько лет и ставит своей задачей ознакомить советских читателей с богатейшим литературным наследием классиков народов СССР и крупных советских писателей. Журнал будет стремиться к тому, чтобы каждая его книжка была интересна и расширяла представление читателя о всем богатстве многонациональной советской литературы.

Г. КОРАБЕЛЬНИКОВ, зам. главного редактора

из лучших в районе. В прошлом году здесь собрали по 14,5 центнера зерновых с гектара, берут доильные аппараты, ведра и выходят из «дежурки». Пора приступать к дойке.

— А планы-то наши придется пересматривать! — говорит, обращаясь к подругам, Валя Гаврилина. — То, что мы налаживаем сегодня, — это не предел...

Они стоят еще минуту — другую, переговариваясь, и затем быстро расходятся по своим местам — впереди день, полный труда и забот...

С. КРУТИЛИН Колхоз имени Ворошилова, Удомский район, Умской области.

У украинских колхозников

В колхозе имени 1 Мая Макарковского района скоро состоится отчетно-выборное собрание, и хочь Харькович молодой председатель Иван Маркович Петухов, а нет-нет, и ежнет сердце...

Колхоз имени 1 Мая — богатый, многотраваевой, он считается одним

К. ВИНУКОВ, специальный корреспондент «Литературной газеты».

Недавно мне пришлось побывать в Романовском районе Балаховской области. Места здесь мне хорошо известны, исхожены вдоль и поперек, всяком, как говорится, каждый кустик. Особенно привлекательна река Хопер, тихая неусуящая воды среди дубовых лесов. В лесах множество больших и малых озер; в них и рыба, и разная дичь. Потому-то в эти заветные уголки частенько выезжают городские охотники и рыболовы-спортсмены.

И земли здесь, прямо скажем, богатые, плодородные. Ирровая пшеница растет чудесная, славится на мировом рынке своими хлебопекарными качествами. Подсолнух вымывает в полтора человеческого роста. Прижиливает тут и сахарная свекла: урожаи ее бывают не хуже, чем на Украине.

Я ехал сюда и думал: что нового встречу, какие перемены произошли здесь за последние три года? Захотелось поближе взглянуть в экономику колхозов.

Несмотря на благоприятные условия, Романовский район многие годы не выделялся ни урожаями, ни хорошими урожаями, ни рекордной выработкой механизаторов. Жил район тихо, неприметно. Перефразируя слова поэта, можно сказать, что о нем и песен не пели, и сказок не рассказывали: не приходилось о нем и в газетах читать — будто его и на свете нет.

Приедешь, бывало, сюда, встретишься с председателем, скажем, Никитасовым, Дурнижского или Мало-Карайского колхоза, завяжется огульная беседа, и оказывается, что он и сам недоволен результатами своего хозяйствования.

— Живем так себе, понемножку. На сегодняшний день план хлебопостройки выполнен на все сто процентов, натуроплата тоже, семенной фонд засыпан... — И, помолчав немного, председатель обычно добавляет: — Видишь, какое дело, дорогой товарищ: трудиться-то у нас слабовато!

Потом разговор заходит о строительстве на селе, о том, что пора бы привести в порядок ветхие домишки. Председатель соглашается, что да, мол, это действительно так, что пора бы заняться благоустройством, но «нет фондов», крупном нехватка леса, не слышать даже дров, чтобы перестать пол или потолок, негде раздобыть кирпичка.

Советуешь собеседнику, по примеру других колхозов, послать людей на заготовку леса в Вологодскую или Владимирскую область.

— Оно бы, конечно, хорошо, — не возражает председатель и тут же оговаривается: — Да только капиталы у нас нету... На текущий счет сотни рублей, а для хозяйственных нужд.

И. Тарбы «Человек сбился в путь» (перевод Е. Елисеова) и другими произведениями.

Естественно, что в этом году большое место займут в журнале воспоминания и материалы, освещающие исторический путь развития советской литературы, статьи о писателях, чье творчество стало замечательной вехой на этом пути. Будут напечатаны интересные воспоминания С. Айни «Коротко о моей жизни». Журнал намерен предоставлять свои странички для публикации переписки русских писателей с писателями братских республик.

В разделе «Критика и библиография» продолжим обсуждение книг по истории братских литератур, а также и начатую в прошлом году дискуссию об изображении рабочего класса в литературе. Кроме того, в журнале появится и другая статья по проблемным вопросам литературы и ряд литературных портретов наших выдающихся писателей.

В прошлом году мы ввели отдел «На темы искусства». Продолжим его и в нынешнем году. В разделе «Публицистика» наряду с литературными выступит и наши читатели — деятели науки, культуры, искусства, промышленности и сельского хозяйства.

В ближайших номерах впечатлениями о поездках в Италию, Аргентину, Швецию, Корею поделится С. Мухомов. Л. Дмитриев, А. Хижняк, В. Сытин. С 1957 года наш журнал выходит с приложением «Библиотечка классиков литературы народов СССР» в переводе на русский язык. Издание библиотечки рассчитано на несколько лет и ставит своей задачей ознакомить советских читателей с богатейшим литературным наследием классиков народов СССР и крупных советских писателей. Журнал будет стремиться к тому, чтобы каждая его книжка была интересна и расширяла представление читателя о всем богатстве многонациональной советской литературы.

Г. КОРАБЕЛЬНИКОВ, зам. главного редактора

В конторе колхоза бухгалтер Григорий Прокофьевич Седеда, звучно пощелкивая косточками счетов, подводит итоги, готовит сведения к отчетно-выборному собранию.

Какова себестоимость колхозной продукции? Что колхозу вышло — вот чем заняты счетные работники.

— Птицеводство у нас приносит убыток, — говорит бухгалтер. — Нужно поднять его так, как подняли мы свиноводство.

Мимо колхозной конторы движутся сани и автомашины, нагруженные смесршимися навозом.

45 пар лошадей, 8 автомашин, тракторы ежедневно вывозят навоз, а это — залог высокого урожая.

— У себя с ферм уже все вывезли, — рассказывают колхозники. — Теперь возим навоз почти за двадцать километров, с откороченного пункта. И все равно это оправдывает себя. Недаром в Обращении особое внимание уделено местным удобрениям.

Стемнело. У конторы остановились сани, доверку нагруженные навозом. Возница, дожий мужик в кожанке, попросил прикурить.

— Холодно? — Зябко, конечно. С утра возим. Но как подумаешь, что будет хлеб, будет и к хлебу — теплее становится.

В.Л. КИСЕЛЕВ Макаровский район, Киевской области. (По телефону)

СЕЛЬСКАЯ НОВЬ

Воспевать были разговоры, которые мне приходилось иметь три-четыре года назад с председателями колхозов, работавшими без перспектив, без хозяйского расчета и загляда в будущее...

...Село Малый Карай, колхоз имени Маленкова. Село как село, каких множество в Поволжье и в центральной полосе. Те же улицы, растянувшись на целых два километра вдоль маленькой и извиливой речонки, те же речельные сады, сады на плетнях. А глядишь... то, да не то! Лома повеселили: сморщили, у одного — крыша новая, железная, под краску, или шиферная, у другого — свежие веницы, а третий стоит совсем поновеньки, с причудливо вырезанными наличниками.

Возле домов то тут, то там навалены штабеля основного кругляка. Видно, что хозяева задумали заново отстроиться, сделать избы лучше и попросторнее.

В центре села — двухэтажная школа-десятилетка, колхозный клуб с раскрашенными афишей на стене. За селом виднеются добротные здания. Это животноводческий городок, сооруженный по всем правилам строительной техники.

Шофер, с которым я ехал, видимо, заметил мое удивление и, сбавляя газ, стараясь ехать тише, охотно пояснил: — Село-то будто на выданные готовится! Прикуривайте. Тут всеми этими делами заправляет председатель колхоза Иван Николаевич Усков. Умельшая голова!

Вечерело, легкий морозец покрывал узорамы окна. Где-то совсем близко затарахтел движок, в морозных сумерках загрохотал электрический огни.

Вместе с председателем колхоза мы осматривали ферму. Сооружена она из шлакобетона, к ней тянется подвесная дорога, которая проходит через все помещение. Светло, тепло. У каждого столба автотоплива — новшество, которое в зрелых местах не было известно до самого последнего времени.

Одна из доярок, в ватной телогрейке и в валенках с галошами, усердно хлопочет возле электродвигателя аппарата.

— Люба! — кричит она. — Включай живее, чего ты там возышишь! Ритмично заработал агрегат, белыми струйками полилось молоко в оцинкованное ведро.

По ферме торопливо расхаживают скотины, все они разносят в коринах по стойлам кукурузный силос. От него идет душный, сладкий и слегка прельный запах, который проник сейчас не только на каждую ферму, но и в колхозные дворы. Председатель поздравляет: — А ну, ребята, действуйте поживее! Через час кино начинается!

Иван Николаевич ведет меня в отдельный дом, называемый здесь красным уголком. Каменное здание с читальней и с комнатой отдыха для доярок. Здесь даже можно поспать на чисто убранных железных кроватях. На окнах — вышитые шторки, на столе — брошюры, книги. Тут и Маяковский, и Мопассан, и Габз Успенский. Я смотрю и думаю: за, такого еще не было в этих местах! Не было тут ни благоустроенных ферм с автотопками и пассажирскими дорогами, ни тех удобств для доярок и работников ферм, которые мы только что видели.

Все это вызывает чувство глубокой душевной радости. Но Иван Николаевич очень осторожен в оценке того, что уже сделано: — Видите ли, какая штука. Скот у нас местный, не породистый. Через год-два, глядишь, мы и дотанем до трех тысяч литров молока на корову. Ну а дальше что? Будем топтаться на месте? Видел я в Покосьево знаменитый караеваевский скот. Вот это коровки — по пять, семь тысяч литров дадут в год!

Иван Николаевич говорит об этом не без зависти, ему хочется в условиях Поволжья развести караеваевское стадо. Это, видимо, его заветная мечта: — Не худо бы у нас создать племенной рассадник, — развивая свою мысль, продолжает: — Ведь это был бы золотой фонд для всей нашей Балаховской области. Неужто нам не посочувствуют в Москве? Бывает вот так: встретишь человека, и на первый взгляд он кажется удивительно скучным, флегматичным, медлительным. Попервоначально мне казался таким и У-

Черный гранит «габров» добывают в индийских каменоломнях возле паещер Аджанты и у нас на Урале. Он самый твердый и красивый из гранитов и лучше любого другого камня выдерживает испытание временем. Наверное, когда говорят про вечную, как гранит, дружбу индийцев и русских, то имеют в виду именно «габров». Из этого черного гранита белорусский скульптор Азгур высекает портрет Рабиндраната Тагора.

Знаю Азгору было около двадцати лет, когда Тагор приезжал в СССР — в 1930 году. Все газеты печатали портреты Тагора, а в книжных магазинах продавались сборники его стихов в переплетях из нежного ситца. Азгору повезло: он был на одном из вечеров Тагора и хорошо запомнил вдохновенное смуглое лицо с огненными глазами поэта и белоснежной бородой умреца. Через четверть века, когда Азгур начал работу над портретом Тагора, он стал же все представлять себе его лицо, его тонкие сильные руки, спокойные широкие плечи.

Портрет Рабиндраната Тагора — полуфигура, высеченная из одной глыбы гранита. Отполированные только лицо и руки, над остальными поработал резец, и седина старого гранита стала седойной бровей, волос и бороды. Кажется, что Тагор стоит на трибуне и читает вслух стихи, которые держит его руки. Что читает он, — бунтарь, ученый, педагог, поэт, философ, — мы точно не знаем, но нам восточно слышатся слова из чудесной, гордой «Гитанджали», написанной Рабиндранатом Тагором более полвека назад.

Там, где разум не знает страха, где золоту дается высоко, где слова летят из слухих правды, в этом раю свободы дай появиться родные мовы! Фото В. Тюжелья.

Григорий Андреевич неторопливо достает начерно составленный годовой отчет, просит познакомиться с ним. В нем, в этом отчете, как в зеркале, все отражено, показана вся хозяйственная деятельность. Это же экономические показатели. прямо скажем, неплохие: колхоз идет в гору. Денежный доход в 1956 году составил 2 миллиона 600 тысяч рублей — на 900 тысяч рублей больше, чем в предыдущем. Меня интересует: а что было три года назад, в пятьдесят третьем?

— В пятьдесят третьем? — переаправляет Болотников. — Тысяч шестистот. Выходит, что за три года денежные доходы колхоза возросли более чем в четыре раза!

Все это хорошо, думал я. А как с трудом? Ведь в нем, в конечном счете, выражается непосредственная материальная заинтересованность колхозников. Обязательные итоги, по выражению бухгалтера, «еще не побиты», но при всех условиях на трудящемся будет выдан чистой пшеницей не менее двух с половиной килограммов, а деньгами примерно шесть рублей.

Вот эти-то миллионные доходы колхоза и весомые трудовая и определяют те отдельные перемены, которые мы бросаем в глаза в Малом Карае: новые жалые дома, общественные здания, фермы... Да разве только одно это? В июне прошлого года на общем собрании колхозники приняли новый Устав артели. Жизнь показала, что примерный Устав, разработанный более двадцати лет назад на Втором съезде колхозников-ударников, устарел, требует изменений и пополнений.

Передо мной новый Устав, дополненный и измененный — плод коллективного труда, коллективного разума колхозников. Каждый пункт продуман, взвешен, обоснован, за него все голосовали единодушно. В этом Уставе — основном законе колхозной жизни — имеется немало новых пунктов, целых новых разделов, которых, естественно, не могло быть на заре колхозного строя.

Читаю пункт о пенсиях для престарелых членов артели. Пенсии дифференцированы, в зависимости от возраста колхозный пенсионер получает от 25 до 50 процентов трудовой, выработанных им в среднем за последние пять лет.

— Это в Уставе, а в жизни как? — У нас уже около шестидесяти пенсионеров. Только в августе на начислено более четырех тысяч трудовой, — отвечает на мой вопрос бухгалтер.

Далее идут пункты о двух-трехдневных отпусках, которые могут получить в течение года каждый член колхоза, об оплате колхозника по временной нетрудоспособности, об отпусках и материальной обеспечении беременных женщин.

Все это привычно в нашем городском быту, но в деревне, для колхозника это большая новость и выдающееся событие в сельской жизни.

В контору правления вошел пожилой колхозник, конок Дмитрий Болкиня. Достав из пиджака синий потертый листок, он нерешительно подал его бухгалтеру: — Больше месяца провалялся в постели, теперь опять при ложах. Больничный-то будете оплачивать?

— Как положено по Уставу: половину месячной заработной платы... — Значит, Устав уже в силу вошел? Вот это дело, по-новому загляну... — Лед тронулся, отец, — улыбнулся бухгалтер, — как в половодье, его теперь не остановить. Не знаю, насколько точно это сравнение, но верно одно: многим радуют перемены в Романовском районе, те перемены, которые происходят ныне повсюду. РОМАНОВКА, Балаховской области

МОРОЗНЫМ декабрьским утром двадцатого года наш поезд прибыл в Москву. Везде, невзрачно выглядела в то время наша столица. Дороги были похожи на бурное, внезапно захарившее море. Гребни, ухабы, рытвины. Извозчики на лошадках, заморенной кланьею без нас с вокзала в 3-й Дом Советов. То ныряя, то взлетая на ухабах, мы медленно подвигались вперед. С Орликова переулка свернули на Садовую улицу и сразу оказались в людской гуще тогдашней Сухаревики. Изумленными глазами смотрели мы на это шумное, пестрое, горластое торжище, где в небообразной толчее продавалось и покупалось все: продукты, мебель, машины, соборы шубы и облезлых зайчишек, рудайшие произведения искусства и вшивое тряпье. Мы ехали через Сухаревский рынок и не подозревали, что видели его в последний раз и что через несколько дней будет объявлено о ликвидации Сухаревики, этой мрачной тени уходящего прошлого.

Когда речь идет о судьбе товарища...

Нужно что-то сделать, как-то помочь товарищу. Эта мысль гвоздем сидела в голове. Об этом думал не только я, но и другие товарищи делегаты, знавшие Василия Ивановича по работе на Дону. Но что предпринять, куда толкнуться, я не знал. А сделать надо было что-то быстро.

ПОЗДНО вечером открылось заседание большевистской фракции съезда. Собрание было очень бурное. Ораторы оппозиции потирали кулаками, вопили, обвиняли партию, предъявляли требования. Приехавшие издалека делегаты и особенно молодые члены партии с трудом постигали, что происходит перед ними.

Владимир Ильич, как говорили, был нездоров, а потому не присутствовал на заседании фракции. Но позднее он приехал. По тому, как он вошел, резким движением отодвинул стул и сел в президиум, чувствовалось, что он возволил и возмущен происходящим. Когда слово взял Владимир Ильич, собравшиеся встретили его горячими аплодисментами. Ильич поднял руку, как бы прося успокоиться и не мешать ему начать говорить. В зале стало тихо. Все с напряженным вниманием прислушались к каждому слову Ленина, следили за каждым его жестом. Ильич говорил о внешней и внутренней политике Советского правительства, беспощадно бичуя тех, кто отталкивает внимание партии от решения стоящих перед ней огромных задач.

Заседание фракции закончилось поздно ночью. Не знаю, что подумывал меня, что заставляло в этот момент подумывать, а что если обратиться с просьбой о помощи Вишневному к Владимиру Ильичу?

Ильич казался таким близким, простым, что совершенно не страшно подойти к нему и заговорить как с товарищем о том, что так тревожило меня в эти дни. Хорошо ли будет беспокоить Владимира Ильича, занятого сверх меры важными государственными и партийными делами? Ведь что такое дело Вишневого? Досадный, возмутительный частный случай. А что если Владимир Ильич скажет: «Ну, что вы притаскиваете нам пустяки?»

Но в этот момент я вспомнил опять усталого, изнервнившегося, удрученного человека, товарища, который на что-то еще надеется, чего-то ждет... Нет! Нельзя медлить!

И жал Владимира Ильича на верхней площадке лестницы, ведущей к выходу. Вот появился Ильич, окруженный делегатами. Он был в теплом пальто с барашковым воротником и в барашковой шапке старинного фасона «гнездчишом». Он был заметно утомлен, но тем не менее о чем-то оживленно говорил окружающим его делегатам, улыбался. Я был в матросской форме, на костылях, и, наверно, своим несколько необычным видом привлек внимание Владимира Ильича. Он смотрел на меня, и когда подошел ближе, я по-военному ваял «под козырек». Владимир Ильич ответил поклонком.

— Владимир Ильич, разрешите обратиться к вам?

Ильич остановился и внимательно посмотрел мне в лицо.

— Да, пожалуйста, товарищ. Я вас слушаю.

— Владимир Ильич! Я и группа делегатов решили просить вас за товарища, которого жестоко и несправедливо обидели. Он сейчас...

— Видите ли, товарищ, в эти дни съезда я очень занят. Вы обратитесь, пожалуйста, к товарищу Стасовой, она все сделает, что нужно, а если понадобится моя помощь, она мне доложит.

Мы стали спускаться по лестнице. Владимир Ильич ваял меня за локоть, сменял поздравления.

— Осторожнее, товарищ. Вам ведь трудно по лестнице?

Нет, ничего, я уже привык.

Я шел, смущенный, расстрепанный. Мне казалось, что я сделал какую-то ошибку, и Владимир Ильич мне отказал: обратиться к Стасовой. Но сможет ли она сразу принять меня, не заподозрит ли она мою помощь Василию Иванову?

Я вновь обратился к Ильичу:

— Владимир Ильич! При других обстоятельствах я не стал бы беспокоить вас, но сейчас речь идет, может быть, о жизни этого товарища. У него все так сложилось...

Ильич приостановился. Лицо его было серьезно и озабочено.

— Ах так? Ну, если речь идет о жизни товарища, я готов вас выслушать. Очень прошу вас, завтра на пленуме подойдите ко мне и лучше, если пись-

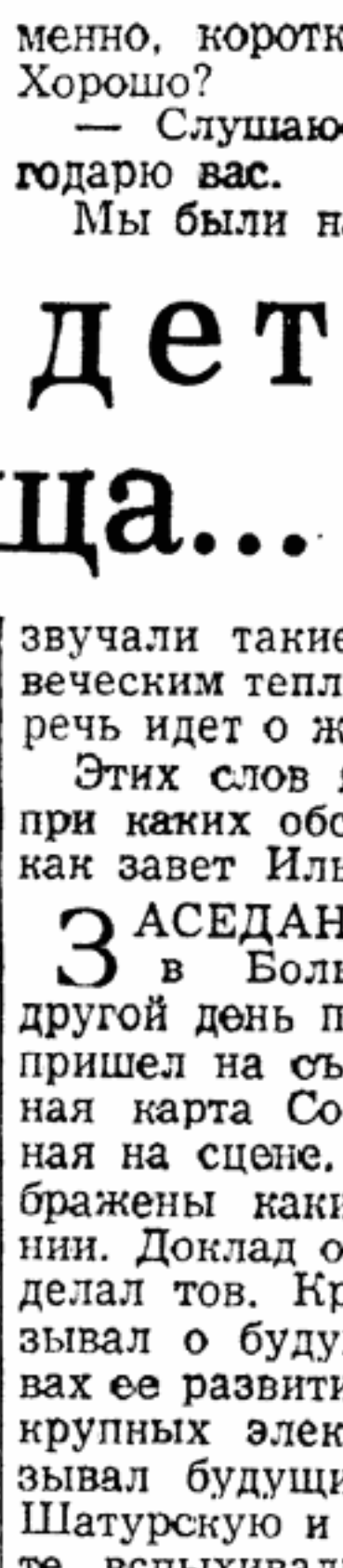
менно, коротко изложите, в чем дело. Хорошо?

— Слушаюсь, товарищ Ленин! Благодарю вас.

Мы были на нижней площадке у выходной двери. Владимир Ильич протянул мне руку, которую я горячо пожал.

Закрыв дверь за Ильичем, мимо меня шли люди, а я стоял, взволнованный, в ушах звенели такие простые, согретые человеческим теплом ленинские слова: «Если речь идет о жизни товарища, я готов...»

Этих слов я не забывал никогда, ни при каких обстоятельствах, и пронес их как завет Ильича через всю жизнь.

Из воспоминаний о В. И. Ленине

Рассказываем

редакторы

ЖУРНАЛОВ

История

С 1957 года молдавский журнал «История» («История») выходит в молдавском и русском языках, переименован в «История» (двухнедельный журнал). В нем читатель найдет 30 дней (двухнедельный журнал) искусства и литературы: «Сигналы» (задачи на бытовые темы), «Обзор журналов», «Сатира и юмор» и т. д. Журнал иллюстрирует...

Подготовлены нами и опубликованы: повесть И. Друцэ «История тоски», роман Н. Тудореску «Писа Ел», повесть А. Герасимова «Души добрые надежды», повесть А. Дунейку «Восточный ветер», рассказы и повести В. Малево, вторая книга повести «Товарищ Ваня», С. Шлику «История любви», повесть Е. Букова и Л. Корняну «Африка» и другие.

В ближайшее время поступят в редакцию: романтическая повесть А. Колеску «Новый год в Лотарии», повесть Е. Букова и Л. Корняну, повесть Л. Мищенко «Счастие человека».

Намечены к публикации: стихи А. Лулуяну, Б. Истрей, Л. Дельяну, Ф. Пономарю, И. Ковальдику, однако большими поэтическими произведениями, кроме поэмы И. Ставрику «Летят журавли», редакция пока не располагает.

В журнале создан новый раздел, в котором будем печатать литературные портреты людей советской Молдавии.

К 40-летию Великого Октября редакция подготовила альманах Е. Моргалюко о первом революционном анкерманском казачьем полку, также альманах из книги Н. Поповича «Тяжелые годы» (документальная повесть о Григории Котовском).

Не оставим без внимания и молдавские фольклоры. Так, Гр. Ботезату записал древние молдавские баллады. В первую очередь публикуются впервые записанные сказки.

Редакция располагает статьями о научном изучении молдавских классиков и жизни и деятельности русских писателей в довоенный период.

В новом году намерены сделать все возможное, чтобы журнал «История» стал более интересным и познавательным.

Георге МЕНЮК

Владимир Ильич, как говорили, был нездоров, а потому не присутствовал на заседании фракции.

ЗАСЕДАНИЕ съезда происходило в Большом театре. Когда на другой день после заседания фракция я пришла на съезд, меня поразила огромная карта Советской России, помещенная на сцене. На этой карте были изображены какие-то здания, кружки, линии. Доклад об электрификации РСФСР делал тов. Крижановский. Он рассказывал о будущем страны, о перспективах ее развития, о строительстве первых крупных электростанций. Когда он называл будущие станции — Волховскую, Шатурскую и другие, на громадной карте вспыхивали цветные лампочки. Делегаты слушали доклад с напряженным вниманием. Многие, да и я в том числе, все же не могли сразу понять, для чего понадобился на съезде эта интересная, безусловно полезная лекция. Ведь все, что говорилось в докладе, было так приятно и вместе с тем так далеко от нашей суровой действительности! Мы, делегаты Всесоюзного съезда Советов, в своей столовой с удивлением рассматривали, как диковинку, прежде чем положить в рот, бутерброд из белой булочки с крошкой сырым или колбасой, а тов. Крижановский взволнованно говорил о том, что будет, когда страна построит электростанции по плану ГОЭЛРО. Даже столица страны — Москва еще сидела без света. Люди испытывали нужду в самом необходимом, а он говорит о шероховатых, далеко идущих планах, как о деле завтрашнего дня. Просто не верилось, что все это возможно будет сделать, и притом так скоро.

Во время прений по докладу тов. Крижановского я прошел на сцену в президиум. Я долго колебался и обдумывал, выбирая подходящую минуточку, чтобы подойти к Владимиру Ильичу, но этой подходящей минуты так и не представилось. Шли прения. Ильич сидел у края стола президиума около трибуны. Положив локти на стол, он прикладывал правую руку к уху, чтобы лучше слышать, и время от времени что-то записывал в блокнот.

Я подошел и встал за стулом Владимира Ильича.

— Владимир Ильич, можно к вам обратиться?

— Ах, это вы, товарищ. Здравствуйте! Помните, вам же трудно стоять. Дайте место товарищу, — обратился он к сидевшему рядом с ним члену президиума. Товарищ встал, предупредительно подвинув мне стул.

— Ну, как вас зовут?

— Написано.

Я повторил Ильичу заявление. Ленин внимательно прочитал мое заявление. Премени он отрывался от чтения, прислушиваясь к выступлению оратора. Потом встал нарядом и написал резолюцию. Ильич писал в резолюцию, чтобы ассанционный трибунал затребовал дело Вишневого, выявляя виновных, а товарищу Вишневному разрешил вернуться в Новочеркасск.

— Вот, пожалуйста. Вас удовлетворяет это? — спросил Ильич, передавая мне бумажку. Я быстро пробежал глазами написанное Ильичем.

— Все, Владимир Ильич. Большое спасибо. Простите, что помешал вам.

— Ну что вы, что вы, — и Ильич улыбулся доброй и поныне живой для меня улыбкой.

На следующее утро ассанционный трибунал дал распоряжение затребовать дело Вишневого из трибунала Донской. Вишневецкий затем был реабилитирован, приговор в отношении его был отменен, и вскоре Василий Иванович вернулся в Новочеркасск.

Этот небольшой эпизод говорит об исключительной чуткости, отзывчивости Ильича к нуждам товарищей. Даже в обстановке, которая обычно создается во время работы больших съездов, Ленин нашел время и возможность прийти на помощь товарищу.

Для Ленина прекрасное слово товарища не являлось простой приставкой к фамилии, а имело глубокий, объясняющий смысл.

Вот почему так беспредельна, глубока, искренна любовь миллионов людей к Владимиру Ильичу, к его светлой памяти и к каждому из этих людей считает его своим близким **ТОВАРИЩЕМ** **ЛЕНИНЫМ**!

М. ПАНТЮХОВ, член КПСС с января 1919 года. БАРАНАУЛ, Алтайский край

ФЕСТИВАЛЬ ФИЛЬМОВ ЭЙЗЕНШТЕЙНА В ЮГОСЛАВИИ

В трех городах Югославии — Белграде, Загребе и Люблине в феврале состоится кинофестиваль, посвященный творчеству советского кинорежиссера С. Эйзенштейна. Министерство культуры СССР направляет в связи с этим на фестиваль поставленные С. Эйзенштейном фильмы: «Стакан», «Октябрь», «Старое и новое», «Александр Невский» и «Иван Грозный» (1-я серия).

Открытию фестиваля в Югославии готовится выставка о жизни и деятельности С. Эйзенштейна, на которой будут представлены фотодокументы, отражающие все периоды его жизни, рукописи статей, сценариев, эскизов, наброски и другие материалы.

Для докладов о творчестве С. Эйзенштейна в Югославию выезжает кинооператор Э. Тиссе.

Новые книги

А. Я. Расказын. Перевод с китайского В. Семанова. Гослитиздат. 231 стр. Цена 3 руб.

Баттал С. Тем, кто помог... Избранные стихи и поэмы 1924—1929. Перевод с татарского. Казань. Татарское книгоиздательство. 150 стр. Цена 3 руб. 50 коп.

Белен А. Избранные научно-фантастические рассказы. В 2-х томах. Москва. «Молодая гвардия». Т. 1. 567 стр. Цена 10 руб. 10 коп. Т. 2. 536 стр. Цена 9 руб. 60 коп.

Корбан В. Басни. Авторизированный перевод с английского языка. «Советский писатель». 96 стр. Цена 1 руб. 80 коп.

Лалин К. Очерки и рассказы. «Советский писатель». 271 стр. Цена 4 руб. 70 коп.

Лини м. Сборник произведений журналиста Премии мира. Издательство иностранной литературы. 350 стр. Цена 12 руб. 30 коп.

Лунонин М. Стихи дальнего следования. Москва. «Советский писатель». 73 стр. Цена 1 руб. 25 коп.

О'Кейси Ш. Юниона и Павлин. Трагедия. Перевод с английского языка. В. Волынский. Издательство иностранной литературы. 87 стр. Цена 1 руб. 70 коп.

Полнон В. Вы их узнаете? Маленькие рассказы, рассказы, фельетоны. «Молодая гвардия». 72 стр. Цена 1 руб. 05 коп.

Рабин И. Повести и рассказы. Перевод с еврейского С. Родопа. «Советский писатель». 378 стр. Цена 6 руб. 25 коп.

Роман С. Роман. Перевод с английского Д. Горфинкель и Э. Лениной. Гослитиздат. 352 стр. Цена 6 руб. 65 коп.

Свявров А. Дума о родном крае. Стихи и поэмы. Издательство «Молодая гвардия». 166 стр. Цена 4 руб. 60 коп.

Толстой Л. Полное собрание сочинений. Серия 3. Повесть. Т. 77. 78. Гослитиздат. 339—437 стр. Цена 18 руб.

Уэллс Г. Избранные научно-фантастические произведения. В 3-х т. Перевод с английского. Издательство «Молодая гвардия». Т. 1. 362 стр. Цена 8 руб. 95 коп. Т. 2. 502 стр. Цена 8 руб. 95 коп. Т. 3. 496 стр. Цена 9 руб. 95 коп.

Ханярши С. Люди и животные. Роман. Перевод с армянского М. Мамедов. Москва. Айтрепат. 284 стр. Цена 6 руб. 40 коп.

ДОВЕРИЕ ОБЯЗЫВАЕТ

1. У кассы шмотеатра «Победа» чуть ли не с утра висит ашпаз. Но роставчане не расходятся. Сашпате вопросы: — Нет ли лишнего билетика? — «Лшпного», разумеется, ни у кого нет, но заплатите спекулянту за билет вдовстворное дорожко — и смотрите любой фильм.

Та же картина у кассы любого роставского кинотеатра. И вове не потому, что на экранх демонстрируются «боекники».

Во всем городе работает всего двенадцать кинотеатров. Если летом можно провести вечер в парке, на танцплощадке, на водной станции, то зимой податься некуда.

Из беседы с директором кинотеатра «Победа» А. Румановым узнаю, что в кинотеатрах и на площадках за один сезон зимой обслуживается около четырех тысяч зрителей. А до войны кинотеатры Ростова одновременно принимали более тридцати тысяч зрителей.

Как известно, Ростов-на-Дону сильно пострадал от фашистских бомбардировок. После войны восстановлено много зданий, но ни одного кинотеатра не построено.

Об этом неоднократно говорилось на конференциях, собраниях. Однако ни исполком городского Совета, ни Министерство культуры РСФСР до сих пор не позаботились о том, чтобы улучшить кинообслуживание роставчан.

Много в городе серьезных недостатков в удовлетворении бытовых и культурных нужд населения.

Вот в контору домоуправления № 61 по проспекту Семашко входит персональный пенсионер Михаил Михайлович Попов. Он тяжело дышит. Нелегко ему ходить по высоким лестницам.

— Степанида Алексеевна, — обращается он к управляющей домами тов. Прошевой, — сегодня на нашем этаже опять не было ни одного рабочего. Уж январь илие, а ремонт и конца не видно.

Управляющая домами беспомощно разводит руками:

— Что ж вам сказать, Михаил Михайлович? Была я и начальника ремонтно-строительной конторы тов. Орехова, беседовала с прорабом, ходила в райжилуправление и райисполком. Всюду мне отвечают: получим материалы, будем искать рабочих.

— Да как же все это можно терпеть? — горячится Михаил Михайлович. — На третьем и четвертом этажах нашего дома сто двадцать жильцов чуть не полгода ходят за водой на улицу. Еще весной же в доме разворотили, а теперь оказываются, что материал и рабочей силы нет?

Длительная волокита с ремонтом водопровода волнует десятки семей, живущих в многоквартирных домах. Куда они только не обращались, все без толку.

Ростовчане гордятся тем, что их город за успехи в озеленении стал в прошлом году участником Всесоюзной сельскохозяйственной выставки. Действительно, Ростов превращается в город-сад. Какже здесь появились парки, сады, набережные, площади с цветниками! И сделано все это при активном участии самих горожан.

Доброе, славное сделано дело, но в ростовских горожан примешивается чувство обиды. Дело в том, что работники городского управления культуры превратили парк в коммерческое предприятие: за вход в него плати, за посещение кинотеатра, эстрадного концерта — особая плата, так же как и за вход на танцплощадку.

Разговаривая с избирателями, я услышал и другие их претензии.

— Вот, к примеру, наш центральный колхозный рынок, — возмущается Прошевая. — Еще весной загорюльцо его наполовину досками. Вроее собралась ремонтировать старые и строить новые торговые ряды. Лето давно ушло, а к ремонту никто не приступал.

2. Сашпате критические высказывания избирателей, и невольно возникает вопрос: а знают ли обо всем этом в исполкоме городского Совета? Разумеется, кое-что знают, но о многом, видимо, не имеют и понятия. Ставить все эти вопросы перед горисполкомом, руководителям его отделов и управлений, перед постоянными комиссиями городского Совета обязаны депутаты.

Депутат — слуга народа! Какой глубокий и благородный смысл в этих словах. Не проходите мимо того, что волнует и тревожит трудящихся, во все вышкай и вмешайтесь, сближайте массы с аппаратом управления, добивайтесь улучшения жизни народа.

В Ростове многие депутаты городского Совета именно так и относятся к своим обязанностям. Но встречаются среди них и люди, для которых доверие народа, звание депутата ничего не стоят.

Об одном из таких депутатов мне рассказали жильцы трех многоквартирных домов по проспекту Семашко.

Кто же этот депутат и почему избиратели недовольны его деятельностью?

Виссарон Евграфович Савельев заведует культурно-бытовым отделом Ростовского областного совета профсоюзов. Не случайно, видимо, общественные организации выдвинули его кандидатом в депутаты городского Совета: старый коммунист, в прошлом опытный советский работник.

Кто богатый опыт и знания Савельева не отражается на работе Совета? Избиратели округа № 317 никак не видели Савельева раньше, ничего о его прежней работе не знали. Все, что было о нем написано в краткой биографической листовке, внушило им уважение к кандидату, и они дружно проголосовали за него. Встречаясь в предвыборные дни с избирателями, он обещал оправдать доверие их своей активной работой в городском Совете.

Много времени прошло с тех пор. Городской Совет нового созыва давно выполняет наказы избирателей. А депутат Савельев оказался в стороне от работы Совета. Получив депутатский мандат, Савельев сел на этом своем миссии законченной.

Нечего греша тайть, встречаюся у нас еще такие люди, которые доброе отношение народа к себе воспринимают как нечто само собой разумеющееся. Так получилась и Савельевым. Для него депутатский мандат оказался всего-навсего еще одним свидетельством его «высокого положения».

А вот что сами избиратели говорят сегодня о своем депутате и его деятельности.

— Живут в нашем доме директор Ростовчанерго тов. Мезинов и профессор медицинского института тов. Никольский. Оба они депутаты городского Совета, — рассказывает тов. Шепелева. — Случается какая нужда, потребуется какая помощь, жильцы всегда идут к этим товарищам. Никогда ни в чем не отказали. А вот избирательного мандата тов. Савельева мы не знаем даже, где найти.

Кстати о месте и времени встреч депутатов с избирателями. Кое-где на бывших избирательных участках и в помещениях домоуправлений висят объявления о приеме, о часах и месте, где принимают население депутаты районных Советов. Что касается депутатов городского Совета, то высветить где и когда они ведут прием, довольно трудно. Избиратели шутят: «Горисполком засекает депутатов».

— Такие депутаты, — заявляет тов. Попов, — надо липать доверия избирателей. Какой же это народный слуга, если отворачивает от трудящихся, заблуждается, пренебрегает нашим доверием?

Суровые, но справедливые слова! Конституция СССР предоставляет избирателям право отзываться депутатов, которые не оправдали их доверия.

Но, может быть, тов. Савельев хорошо выполнял другие депутатские обязанности? Сессия Совета утвердила его членом постоянной культурно-просветительской комиссии. Заведующий культурно-бытовым отделом областного совета профсоюзов, он своим участием в работе этой комиссии мог бы принести большую пользу. Но и в работе комиссии тов. Савельев не участвует. Председатель комиссии депутат тов. Гриндев рассказывает:

— Ни на одном заседании нашей комиссии Савельева мы не видели, никаких предложений от него не получали. В ноябре мы рассматривали вопрос о качестве кинообслуживания трудящихся города. Притаскивали на заседание и Савельева, а у него одни только отговорки: занят. То в командировке, то в отпуске, то должен быть на ответственном заседании.

По сведениям инструкторского отдела горисполкома, депутат Савельев посетил в позапрошлом году одно заседание сессии городского Совета и одно в 1956-м.

В «Проекте программы РКП(б) В. И. Ленин еще в 1919 году требовал, «чтобы каждый член Совета обязательно выполнял известную работу по управлению государством...» Это требование лучше всего характеризует наш советский, социалистический демократизм, сближающий массы трудящихся — избирателей с аппаратом управления через своих депутатов.

Коммунист В. Савельев забыл об этом требовании.

Читатель вправе сказать: но ведь Савельев не просто так, по своей инициативе и воле оказался депутатом городского Совета. Верно. В канун выборов его кандидатура обсуждалась общественными организациями и от их имени была рекомендована окружному предвыборному совещанию представителей трудящихся избирательного округа № 317. Но и общественные организации, рекомендовавшие кандидата в депутаты человека, по-видимому, не изучили его, а может быть, они исходили лишь от должности тов. Савельева и его прошлых заслуг? И тут надо заметить, что у нас нередко случается так: выдвигают много товарища в депутаты местного Совета, общественные организации забывают о своей ответственности за рекомендуемого.

Ну, а тов. Савельев, чем объясняет свою бездеятельность? К сожалению, его оправдания были столь сбивчивы и противоречивы, что их не стоит и цитировать. Тут скорей можно согласиться с пенсионером тов. Поповым, который сказал:

— Все это плоды незнания, бесконтактности и безответственности. У нас есть, к сожалению, такие деятели, которые лмауют, что им все позволено. Нет, не все. Пренебрегать, не дорожить доверием народа не даю никому!

Ростов-на-Дону

ТАЛАНТЛИВЫЕ ПИСАТЕЛИ СОВЕТСКОЙ АБХАЗИИ

Недавно газета «Советская Абхазия» поместила статью А. Ласури о замечательном абхазском поэте Леонтии Лабахуа (в связи с сороческая жизнь поэта была короткой). Но за 5—6 лет своей творческой работы Л. Лабахуа создал немало произведений, благодаря которым занял видное место в молодой абхазской поэзии. «Творчество Лабахуа было актуальным и идейно целесообразным, — говорится в статье. — Поэт обращался к темам, поджариваемым окружающим его жизнью. Ему было чуждо равнодушие. Он смотрел на жизнь любовными глазами юности и восторгался ею. Но когда его острый глаз художника замечал уродливые проявления остатков прошлого, он становился беспощадным, обрушивая на них со всей силой своего сатирического дара».

А. Ласури вспоминает о таких произведениях Леонтия Лабахуа, как поэма «Голос Ткварчели» — проникновенный гимн

ОТВЕЧАЕМ НА ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ

Одна строка текста

Наш корреспондент обратился к нескольким текстологам и редакторам Гослитиздата с просьбой ответить на вопрос читательницы В. Бараниковой. Это издательство, как известно, выпускает многочисленные собрания сочинений классиков мировой литературы. Его перспективный план на шестьсот пятидесять включает более пятисот томов различных поданных изданий.

Произведем небольшой арифметический подсчет. — Предложим нашему корреспонденту в издательстве. — Пятисот томов, каждый, в среднем, по пятьсот страниц, на каждой странице — сорок строк. Итого — десять миллионов страниц! Задача текстолога и редактора заключается в том, чтобы самым тщательным образом прочитать и выверить все эти десять миллионов строк по единой — ни одна из них не должна быть пропущена, ни в одной из них не должно быть ошибки.

Ведь пропала бы больше восьмидесяти лет тургеневская строка из рассказа «Пешухов»? Даже автор, правя корректуру, не заметил пропуска, допущенного наборщиком. Только теперь при издании собрания сочинений Тургенева текстолог обратил внимание на такую фразу: «...пришел в блучочную и начал читать ей роман Запискина».

Вспомните у Гончарова описание поселебденного сна в доме Обломовых: «И сядовник растянулся под кустом, в саду, подле своей пещи...» Слово «пещня» (лопата) появилось впервые в собрании сочинений А. Гончарова только в 1953 году! До тех пор печаталось «пашая», и никто же надумывался

над тем — какая же пашня могла быть в саду у Обломовых? Расшифровать эту «загадку» помогла первая журнальная публикация романа.

По первой журнальной публикации была установлена и другая любопытная ошибка: в одной из глав романа «Обрыв» в целом ряде изданий печаталось: «свободы не предвидится» вместо «свободы не предвидится», хотя по всему контексту явствовало, что Марфенька мечтала, конечно, о свадьбе.

В редакции русской классической литературы того же издательства можно увидеть «паспорта», завешенные на каждое произведение классика. Это перечень зарегистрированных редакциями случаев искажения текстов в результате неосторожного вмешательства редакторского произвола, типографских опечаток, корректорских ошибок и даже авторского недосмотра. Их нельзя обнаружить без внимательнейшего изучения текстов всех предыдущих изданий, а в тех случаях, когда это возможно, и рукописного архива писателя, его записных книжек, переписки, воспоминаний о нем.

Сколько людей самых разнообразных научных специальностей привлекается редакторами к выпуску романа или повести! У четырехсот тысяч подписчиков стоят на книжных полках тома собрания сочинений Юлиа Верна. Какой из прежних текстов следовало взять за основу для этого издания? Обратились к наиболее известному французскому изданию Ашета. Сразу же бросилась в глаза подозрительная особенность: одинаковый объем всех томов — около 250 страниц. В это прокрустово ложе издатель укладывал «для удобства покупателя» произведения великого писателя, произвольно сокращая их подлинный объем. Существует в России и авторизованный перевод романов Юлиа Верна, вышедший в конце XIX века. При сличении его с оригиналами выяснилось,

«Почти в каждом томе собраный сочинений Тургенева, Гончарова, Юлиа Верна и других классиков значатся фамилии текстолога и редактора. Не можете ли вы разъяснить, каковы их функции? Ведь произведения классиков не подлежат правке и редактированию.»

МОСКВА **В. БАРАНИКОВА**

**ЙЕМЕН — ЖЕРТВА
АНГЛИЙСКОЙ
АГРЕССИИ**

В ночь с 24 на 25 декабря английские вооруженные силы совершили нападение на территорию Йемена — небольшого арабского государства, расположенного на юго-западе Аравийского полуострова, у выхода из Красного моря в Индийский океан.

Английские пехота при поддержке танков, артиллерии и реактивной авиации атаковала пограничные с Аденом йеменские города и поселки. Пылали охваченные пожаром город Катоба и прилегающие к нему деревни, на дымящихся руинах города обрушился новый град свинца и зажигательных бомб. Реактивные истребители «Веном» безжалостно расстреливали мирных жителей Йемена — женщин, стариков, детей. Английские войска напали на города Хариб, Эль-Бейда, Ас-Сумаа, Ад-Далиа, Зуейри и другие населенные пункты. В последние дни между английскими войсками и йеменскими отрядами, защищающими свою родину, принялись характер подлинных военных действий. 13 и 14 января английские самолеты и танки продолжали атаку на город Хариб и на селения в его окрестностях.

Арабская печать сообщает о переброске в пограничные с Йеменом районы новых английских воинских частей. 16 января правительство Йемена направило в Совет Безопасности жалобу на английскую агрессию против его страны.

Что же послужило причиной агрессии английских захватчиков против Йемена? Выгодное положение Йемена на важных морских путях с давних пор привлекает иностранных колонизаторов. Не раз приходилось свободному йеменцам бороться за оружие, отстаивая свою свободу и независимость. Почти четыре столетия они вели героическую борьбу против турецких янычар, а позднее — против империалистических держав.

В 1948 году король Йемена стал Ахмед. Его правительство заявило, что оно будет проводить независимую и миролюбивую политику. Йемен отверг предложение западных держав принять участие в агрессивных блоках. Правительство Йемена решительно выступило против багдадского пакта, заявив при этом, что оно считает оборону Аравийского Востока делом самих арабов.

21 апреля прошлого года в Джидаде, на юге Саудовской Аравии, было подписано тройственное оборонительное согла-

шение между Египтом, Саудовской Аравией и Йеменом. В соглашении говорится о стремлении его участников поддерживать мир и безопасность, о решении разрешать международные споры мирными средствами.

«Любое вооруженное нападение на одну из сторон...», говорится в соглашении... будет рассматриваться как нападение на всех участников соглашения, которые немедленно придут ей на помощь всеми имеющимися в их распоряжении средствами, включая использование вооруженных сил».

Но такое объединение арабских стран для защиты своей независимости не устраивает колонизаторов. После заключения тройственного оборонительного соглашения каирский корреспондент агентства Ассошиэйтед Пресс с раздражением писал: «Подписание трехстороннего пакта между Египтом, Саудовской Аравией и Йеменом свидетельствует о том, что, возможно, надвигаются беспорядки на песчаной полосе земли, окаймляющей Аравийский полуостров».

Известно, что каждый раз, когда западные державы хотят подавить национально-освободительную борьбу колониальных и зависимых стран, они начинают кричать о «беспорядках». Так было при подавлении национально-освободительного движения в Кении, на Бахрейских островах, в Адене и Омане.

Теперь западная пропаганда добавляет еще одно измышление. Она трубит о «коммунистическом заговоре» в арабских странах, об угрозе, якобы возникшей для соседнего с Йеменом Адена. Реакционные газеты писали, что существование независимого Йемена и его сотрудничество с Аденом оказывают «судорожное влияние» на английскую протекторат Адена, а поэтому следует проводить «жесткую политику» в отношении Йемена.

14 января миссия Йемена в Лондоне опубликовала заявление относительно письма, распространенного по ее словам, между всеми делегациями английским представителем в ООН, в котором он обвиняет Йемен в «усиленном подстрекательстве к бунтарской деятельности» в протекторате Адена. В заявлении говорится, что эти обвинения не обоснованы и их единственная цель — исказить факты и воспользоваться этим для оказания морального и военного нажима на Йемен».

Народы арабских стран не верят в длинные заявления колонизаторов. Они видят, что едва замолчали орундяг агрессоров в Египте, как эхо от взрывов их бомб и снарядов прокатилось по полям Аденского нагорья и Йеменской Тихамы, а Соединенные Штаты, выступавшие под маской «хранителя мира на Ближнем и Среднем Востоке», выдвинули «доктрину Эйзенхауэра».

В телеграмме видных представителей интеллигенции Йордании, направленной английскому послу в Аммане, говорится: «Мы гневно протестуем по поводу уювств и террора против братского арабского народа Йемена!» — твердо и решительно заявляют народы арабских стран и все миролюбивые люди, полные решимости не допустить развязывания новой войны на Аравском Востоке.

Н. КОЦАРВ

Борис ПОЛЕВОЙ

**30 000 ли по Новому Китаю
НА ЮБИЛЕЕ ЛУ СИНЯ**

Более двух месяцев по приглашению Союза китайских писателей в КНР гостила делегация советских писателей в составе Бориса Полевого, Бориса Галина, Сергея Залыгина. Делегация приняла участие в собрании, посвященном 20-летию со дня смерти великого китайского писателя Лу Синя.

Сегодня мы печатаем отрывок из китайского дневника Бориса Полевого «30 000 ли по Новому Китаю», который будет полностью опубликован в ближайших номерах журнала «Октябрь».

Мы горевали вместе с героями произведенного шестидесятилетия. Но этому великому знатоку китайского фольклора, разумеется, была известна здешняя поговорка: поток слез не заальшит и сыняка. И дальше в этой статье он писал: «...у Короленько мы учились гуманности, у Горького — борьбе».

И вот сегодня, обдумывая выступление, которое нашей делегации предстояло сделать на собрании, посвященном двадцатилетию со дня смерти великого писателя, мы решили в центре его положить эту мысль: Лу Синь и Горький. Лу Синь был для Китая тем же, чем Горький был для России. Недаром Горького звали у нас вестником революции, а Лу Синя в Китае именуют сейчас знаменосцем культурной революции. А так как Лу Синь с ранней юности интересовался Россией и пробовал изучать русский язык, так как он перевел на китайский язык, отредактировал и печатал в своих журналах много русских и советских книг, так как он интересовался советским искусством, советской гравюрой, или этого великого китайца, как мне кажется, может быть символом дружбы наших литератур, становящейся традиционной, стыком культур наших стран.

Собрание происходит в большом зале нового здания Народного политического консультативного совета, где совсем недавно происходил съезд Коммунистической партии Китая. В положенное время, торжественных, принараженных, нас проводят за сцену, в большую комнату, где сосредоточиваются силы президиума. Боже, сколько знакомых! Все та же тихая, какая-то неугаемая улыбка освещает лицо академика Го Мо-жо. Как всегда подтянутый и сдержанный, подходит и жмет руку Чжоу Ли-бо, автор интересного романа «Ураган». По-братски обнимаемся с другим отличным китайским рассказчиком Лю Бай-юем, с которым в разговоре о литературе мы выжили в одну черту у меня в Москве на Беговой. А вот и Чжоу Ян, интересный, глубокий критик-марксист, из статьи которого мы сегодня стахули абзац для своей речи. Он был руководителем китайской делегации у нас на съезде писателей и, помнится, в разговорах всегда поражал нас, советских писателей, своим умением проанализировать, если не проанотировать любое произведение, о котором в беседах заходила речь. А вот Лао Шэ, как всегда деятельный и веселый. Он тоже был на нашем съезде и, помнится, в одной из бесед пошутил, полусерьезно поставил мне на виду: ездить по всему миру, а в Китае не бывали. От шуток этой мне тогда стало как-то не по себе, а рад был пожать ему руку уже здесь, в Пекине.

Го Мо-жо подводит к нам Мао Дуня, и признаюсь, все мы старались не показывать вида, с интересом разглядевая испиташка этого друга Лу Синя, классика китайской литературы, книга которого «Перед рассветом» так подлилась советским читателям. Он оказывается невысоким, необыкновенно живым человеком, с круглым лицом, на котором темнеют точно бы приклеенные усики. Сразу занимается одна из тех веселых бесед, которые так обжидают людей, поговорить так следует не удерживать. Мао Дуня сегодня — один из докладчиков. Он читает сообщение на тему: «Путь Лу Синя от революционного демократизма к коммунизму». И, естественно, ему не до разговоров. Но обаяние этого человека таково, что, поговорив с ним несколько минут, чувствуешь себя лавно с ним знакомым.

Ватюшки! Профессор Чао Цзин-хуа, старший друг советской литературы, когда-то он перевел на китайский язык первую советскую книгу «Железный поток» Серафимовича, которая так понравилась Лу Синю. Теперь, когда между нашими литературами существует дорога дружбы, положенная десятилетиями взаимно переводимых ежегодно книг, нельзя забыть первую тропку, которую протоптал когда-то этот маленький седой человек с черными, совсем мальчишескими глазами.

А пока мы ждем уроч профессор, уже подходит старый друг поэт Эми Сао и Гэ Бао-цзюань — критик и публицист, замещавший генерального секретаря Общества китайско-советской дружбы.

Все мы впервые в Пекине. Но мы здесь не чужие, нет.

Премьер Государственного совета КНР товарищ Чжоу Энь-лай появляется среди присутствующих как-то совершенно незаметно. Он, как все, в синем скромном кителе, таких же броек, и совершенно ничем не отличается от остальных, заполнивших эти два обширных помещения. Обходит присутствующих, дружески жмет руку знакомым, что-то спрашивает, что-то говорит, по-видимому, шутит и сам улыбается на встречные шутки. Никакого славянского сияния он не излучает. Просто вошел умный, обаятельный человек, которого здесь, по-видимому, не только уважали, но и любили. Все остальные на своих местах, продолжают разговор. Подошел он и к нам, так, очень просто, по-дружески протянул руку, спросил, хорошо ли себя чувствуем после того, как путь, поинтересовался нашим урожаем, новинками советской литературы, пошутил о том, что книжки некоторых советских писателей, которые и сами о том не подозревают, активно участвуют в

строительстве нового Китая. И, тепло улыбувшись, отошел к другим — просто, естественный, без тени рывка.

Скромная, как-то органически слитая с внутренним достоинством, простота эта, — должно быть, даже не стиль, а какая-то национальная черта китайцев. Мы здесь второй день. Естественно, смотрим вокруг во все глаза, стремясь скорее оглядеться, освоиться. И вот эту доброжелательную, полную достоинства простоту, которую только что мы ощутили, беседа с премьером, мы чувствовали и в разговоре с выслыщиком на аэродроме, и с безвестными пекинцами, у которых мы спрашивали дорогу, и с продавцом смешных деревянных игрушек, что шел по улице в конусообразной шляпе из рисовой соломы, несая на коромысле свой веселый товар и прищепившая хлопчатой для привлечения юных потребителей. Прекрасная и, должно быть, именно народная черта.

Точно в положенный срок президиумом сомыгутым строем выступает на сцену. И здесь перед лицом тысяч сидящих в зале людей происходит любопытная, тоже, мне кажется, характерная для Китая сцена. Никто не садится в первый ряд, все размещается сзади. И Го Мо-жо стоит не мало усилий постепенно, по одному перешагивать людей за этот первый почетный стол.

Вотупительное слово Го Мо-жо, доклад Мао Дуня и выступление Лу Синя — пределы точны, кратко и притом необыкновенно содержательны. Я бы сказал, деловиты. В них нет и тени витийства, литературского красноречия, как, увы, зачастую грешат речи ораторов на писательских собраниях. Здесь явны озабочены не тем, как сказать, и не тем, какой эффект произведет в зале та или другая фраза, а тем, что сказать, и тем, чтобы понятнее и проще донести до слушателей свою мысль в чистом, обнаженном виде, не прибавляя на нее эффектного тряпья. Это особую ораторскую манеру, которая всегда обращает внимание, когда мы читаем выступления китайских товарищей, мы почувствовали и тут, на литературном юбилее. Простота доклада оказалась такой приятельной, что мы, гости, которым предстояло выступать, принялись судорожно прекращать свои речи, стараясь побыстрее из них всяческие литературные выпустыть.

И еще, что поразило всех гостей: зал полон, в креслах, в партере, на хорах — всюду люди держали на коленях тетради с заранее напечатанными докладами, которые все были выданы еще в дверях при входе. В начале заседания все развернули эти тетради и потом не только слушали, но и читали, причем, когда кончалась страничка, весь этот огромный зал одновременно переворачивал ее. Раздавался быстрый шелест, белела бумага. И вдруг стало ясно, что все эти люди пришли сюда не только отгадать лог управления памяти любимого писателя. Не для того, чтобы люди посмотрели и себя показать, но и прежде всего для того, чтобы глубже продумать творчество Лу Синя, пополнить, углубить свои знания. Прямо передо мной в кресле на коленках полулежал совершенно парализованный человек. Мой сосед Чжоу Ян пояснил, что это один из местных ученых, этакий пекинский Николай Островский, пораженный страшной болезнью и продолжающий наперекор этой болезни плодотворно трудиться. Другая привезли его сюда, на заседание, на катающейся железке-кровать. Так вот и он, этот неподвижный человек, у которого мертвенно бледные руки, как два высочайших слепка, лежали на груди, глазами следил за тетрадью за холм доклада, и кто-то из его друзей, сидевших рядом, листал его странички.

Первое слово от иностранных делегаций получила советская. Всяческие красивые завитушки я, к счастью, успел из речи выпытывать, так что предстал перед вздумчивой, взыскательной аудиторией без риторических флерверков, ибо здесь лучше всего воспринимались именно деловые места, где говорилось о том, что дружба советской и новой китайской литератур становится традицией, о том, как у нас, в Советском Союзе, с каждым днем растет интерес к новой китайской литературе, увеличиваясь даже не в арифметической, а в геометрической прогрессии. А такое сообщение о том, что произведения Лу Синя выхлудили у нас в советское время тридцать четыре раза, что они переведены на шестнадцать языков советских народов и выпущены тиражом в один миллион двести тысяч экземпляров, — эти цифры, которые мы вставили в речь в некоторой опаской, ибо знали, как не любят подобные собрания хоть какой-нибудь статистики, здесь, в этом зале, возбудили дружеские, энергичные, даже веселые аплодисменты. Да, тут любят не слова, а дела, любят мысли в их конкретном выражении, предпочитают не форму, а существо.

Один за другим поднимаются на трибуну ораторы. Говорят представители восемнадцати стран. Всюду Лу Синь чтим, знают. Делегат Южной Америки говорит, что книга Лу Синя, переведенная на испанский язык, вооружает народы Латинской Америки на борьбу с колонизаторами, содействует развитию национального самосознания. Делегатка Австралия заявляет, что творчество Лу Синя — окно в Китай, люди ее страны все чаще и чаще заглядывают в это окно. Писатели социалистических стран говорят: наш Лу Синь. Да, именно наш. чехословацкий, албанский, румынский. Китайское богатство, вложенное в сокровищницу социалистического мира.

А аудитория, аудитория! Четвертый сидит собрание. Но с тем же усердием за переворачивает странички текстов, так же все принимает наушки, в которых радио транслирует речи иностранных ораторов. Вот она, жадность знаний и каким искренним уважением окружают своих деятелей культуры эти мужчины и женщины, одетые почти сплошь в однообразные, одного покроя костюмы...

Международная почта

ГДЕ ТО... ЗАПАДНОГЕРМАНСКИЕ

газеты с поразительным единодушием распространяли сообщение о том, что товарищ Н. С. Хрущев на днях «выступил на одном приеме в Москве».

При чтении этого сообщения даже самому несконченному в тонкостях эзоповского языка читателю не могла не броситься в глаза специфика формулировки: на одном, каком-то приеме.

Боннская печать в своей информации о СССР нередко обнаруживает необычайную осведомленность о том, чего нет в действительности. Поэтому было бы странно предположить, будто ей неведомо то, что есть, и, в частности, где именно происходил прием, о котором идет речь.

Так в чем же дело? Известен анекдот об одном австрийце, который так ненавидел Наполеона, что отрицал самый факт его существования. Боннская пресса явно решила уподобиться анекдотическому австрийцу. «Независимая» западногерманская печать, конечно, отлично знала, что прием имел место в посольстве Германской Демократической Республики в Москве, но, действуя по команде высшего начальства, питающего антипатию к ГДР, она, как пишет газета «Нейес Дейчланд», предпочла умолчать об этом.

Незавест боннских правящих кругов к ГДР так велика, что даже само название Германская Демократическая Республика стало запретным в Западной Германии. Этот маленький, но знаменательный штрих говорит сам за себя, он достаточно красноречив.

Боннским реакционерам следовало бы вспомнить изречение: «Конечно, глупость — дар божий, но не следует этим даром злоупотреблять».

САМОУБИЙСТВЕННЫЕ СОВЕТЫ

АНГЛИЙСКИЙ вице-адмирал Гладстон недавно почил своим присутствием датскую столицу. Прибыл он сюда едва ли по собственному почину. У него было срочное задание — проложить путь боннским милитаристам в Данию. И он, в частности, выступил за создание в Орхусе объединенного западногерманско-датского командования военно-морскими силами на Балтике. Легко понять, что осуществление этой «рекомендации» очень скоро привело бы к подлинному Даниа западногерманским империалистам, открытому претендующим на первую скрипку в НАТО-ансамбле, особенно во всем, что касается северных районов Европы.

Хотя Гладстон прикидывается «сверлым другом» Дании, он все же предпочел говорить в избранном кругу, приоткрыв за закрытой дверью. Он весьма разгневался на датскую газету «Политикен», которая предладала гласности его конфиденциальные «рекомендации» как последнюю сенсацию.

Впрочем, если тут и было что-нибудь «сенсационное», то, пожалуй, лишь то, что английский вице-адмирал презрительно в рупор прорундуша... Ибо сами они уже давно сделали заявку на военное руководство.

Западногерманский милитаристский журнал «В е р в с с е» на шпальте рундуша», например, потребовал, чтобы ФРГ взяла на себя «защиту Дании» (разумеется, от мифической «советской угрозы»). В том же духе выступила крупная буржуазная газета «Франкфуртер альгемайне Цейтунг», заявившая, что Западной Германии должна безраздельно хозяйничать на Балтике.

Таким образом, Гладстон не оригинален. Пел он с боннского го-

ШЕКСПИР... И АТОМНАЯ БОМБА

НА ФОНЕ взрыва атомной бомбы — роза, которую держит рука в средневековой рыцарской перчатке, а рядом с ним рисунок — хитро подобраный эпиграф из В. Шекспира: «В зарослях крапивы, называющейся опасностью, мы срываем цветок — безопасность» (Генрих IV, часть I, действие 2-е, сцена 3-я).

Так — рисунком с эпиграфом — начинается рекламное объявление, помещенное американской фирмой «Сэндия корпорейшн», специализирующейся на разработке атомного оружия, в журнале «Прогрессив индустри» о фразидинджере. Казалось бы, нехитрое это дело — сообщить, что фирма приглашает к себе на работу инженеров и ученых. Но нет, видимо, это не так. Реклама густо начинена пропагандистскими «болванками» и скорее напоминает переводную статью на внешнеполитическую тему в какой-либо американской буржуазной газете, нежели деловую публикацию.

В тексте объявления читатель с несомненным удивлением обнаруживает и нечто о какой-то «постоянной угрозе» рожденной атомом, и восклицание «политический сибиряк», которая дает возможность «свободе существовать и преуспевать» и утверждение, что «специальная» задача фирмы — конструирование и разработка ядерного оружия, удерживающего агрессора и охраняющего нашу свободу. А в заключение дается обещание, что работа в области атомного оружия «обеспечивает благоприятные возможности для выдающихся карьеры».

Не реклама, а панегирик атомной бомбе! «Сэндия корпорейшн» с упоением поет хвалу ей потому, что запавшие фирмы принадлежат к числу тех, кто срывает цветы на гонке атомного вооружения...

40 ПРОЦЕНТОВ БЮДЖЕТА — НА ПОЛИЦИЮ

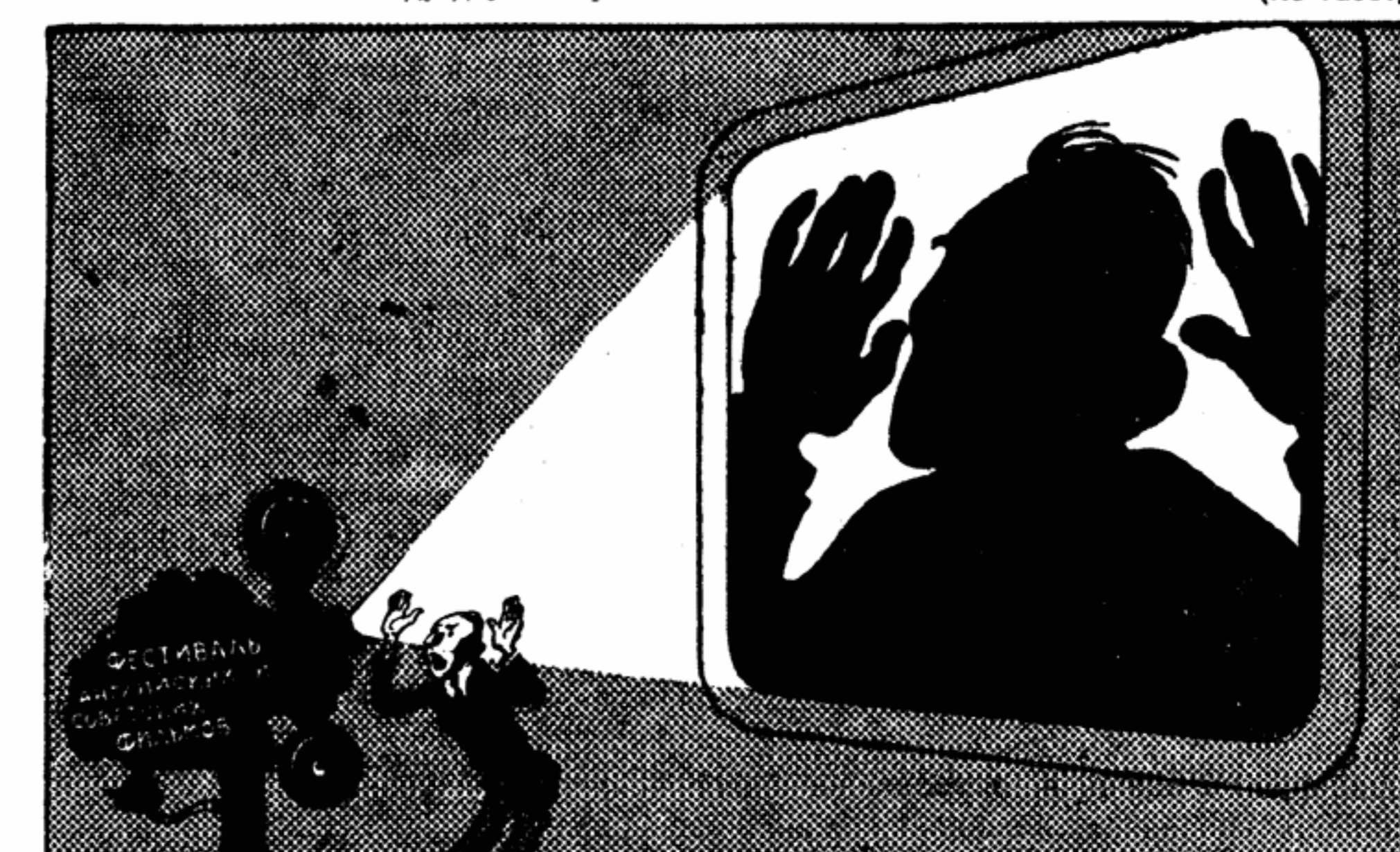
ЕЩЕ Козьма Прутков знаменителю заметил: «Полиция в жизни каждого государства есть». Вопрос в том, сколько ее, полиции.

В Южном Вьетнаме полиция выполняет роль главной опоры маршального режима Нго Дьен Дьема, американского ставленника. Поэтому полицейские тут хоть пруд пруди. Расходы на содержание полиции в одном только Сайгоне превысят в нынешнем году, по сообщениям южновьетнамских газет, 300 миллионов пиастров. Это не более и не менее как 40 процентов бюджета городского муниципалитета! Такую сумму утвердил сессия административного комитета Сайгона, состоявшаяся в конце прошлого года.

И еще одна характерная цифра. На нужды здравоохранения в бюджете сайгонского муниципалитета предусмотрены ассигнования в размере всего 14 миллионов пиастров — в двадцать раз меньше, чем на полицию...

ОТОЙДИТЕ, МИСТЕР МЕЙХЮ!

Как известно, в марте 1957 года предполагалось провести фестиваль английских фильмов в СССР и советских фильмов в Великобритании. Однако возглавляемый Кристофером Мейхью Комитет по связям с СССР отказался от подготовки фестиваля. Тем самым г-н Мейхью еще раз показал себя противником укрепления культурных связей и улучшения взаимопонимания между двумя странами.

Достоинный мистер Мейхью, Ну, конечно, это вы Стали вновь чинить помехи Дружке Лондона — Москве. Вы смотрели 6 наши фильмы, Мы смотрели 6 фильмов ваших... Уважаем мирный стиль мы, А не марши и демарши.

А. РАСКИН
Рис. К. РОТОВА

Главный редактор В. КОЧЕТОВ. Редакционная коллегия: Б. ГАЛИН, Г. ГУЛИА, В. ИВАНОВ, П. КАРЕЛИН, В. КОСОЛАПОВ (зам. главного редактора), Б. ЛЕОНТЬЕВ, Г. МАРКОВ, В. ОВЕЧКИН, С. СМЕРНОВ, В. ФРОЛОВ.